

Анатолий и Сергей женаты на родных сёстрах, свояки. Оба они высокого роста, но разные по комплекции, старший свояк, Анатолий, помассивнее, даже с лишним весом, младший прямо стройный. Жёны их учительницы, от природы похожи характерами, но профессиональную деформацию получили разную.

Жена Анатолия, старшая из сестёр, более домовитая хозяйка – отучила детей ботанике с биологией, да и домой. Дома всегда порядок, обед приготовлен, дети накормлены.

Сергею повезло меньше, его жена в педагогическом вузе выбрала математику. Математика, конечно, наука тоже интересная, может, поинтереснее биологии будет, да только ученики её хуже усваивают, отчего все математички очень нервные, раздражённые. Но младшая сестра была женщиной настойчивой, она об учениках хлопотала больше, чем о собственных детях. Что уж тут говорить о муже... И совсем беда началась, когда назначили её директором школы. Тут она вовсе домой приходить стала только ночевать. Тянула школу в лучшие, выбивала у начальства сначала ремонт старого здания школы, потом замахнулась на строительства нового корпуса, и добилась своего, не сразу, конечно, но добилась – и в облоно ездила, и даже в Москву, в министерство. А ещё и математику продолжала преподавать, меньше, чем прежде, но всё равно тетрадок хватало.

Анатолий с Сергеем свояки уже лет пятнадцать, но все эти годы виделись урывками, потому что живут друг от друга далеко.

Анатолий – городской, служит снабженцем в авиаотряде. Он всегда при деньгах, постоянно летает по делам в большие города бывшего Союза. Дома бывает не сказать, чтобы редко, но не подолгу, необходимость поругаться с женой при

отстаивании своих прав случается не часто. Младший, Сергей, живёт в посёлке, в котором испокон века находится база теплоходов речного пароходства. Летом, в навигацию, всё хорошо – как ушёл весной в плавание, так до ледостава дома толком не бывает. Сергей – капитан теплохода, на хорошем счету – каждую весну ему доверяют открывать навигацию – забросить продукты, запчасти, солярку в те из отдалённых мест, где после зимы самая критическая ситуация. Первый свой рейс он почти всегда идёт через льды. Поскольку у него обычный теплоход, он уже не раз попадал в заторы, терял руль, получал пробоины, но ему всегда удаётся каким-то почти чудесным образом сохранить и судно, и команду, и груз. В последнюю весну попал совсем уж в аховую ситуацию, думал – всё, утонет судно. Но обошлось и на этот раз – удалось выброситься на отмель, там он отправил команду на берег, остался один дожидаться помощи. Главное в таких случаях, говорил капитан команде и самому себе, не терять голову, а искать выход, он есть почти всегда.

В пароходстве его ценили и уважали, а с полгода назад большое начальство даже приглашало на работу в главный порт реки, который находится как раз в городе, где живёт свояк с семьёй. Любому бы такое предложение показалось заманчивым – и теплоход новый обещали, и квартиру просторную в хорошем доме, и зарплату побольше. Из природной своей вежливости в город Сергей съездил. Да квартира, да зарплата, да и теплоход совсем свежий, одна вот только закавыка.

Предложенная должность называлась капитан-наставник, это-то его и заинтересовало. Сергей бы с удовольствием взялся за подготовку капитанов для родной реки, он видел, сколько среди них неумех. Оказалось, что на самом деле его звали капитаном теплохода, который находится в личном распоряжении начальника пароходства. А это примерно то же, что быть персональным водителем – в круглосуточном распоряжении начальника, постоянно терпеть его привычки и выходки, никакой свободы. А Сергей привык, что на реке у него один хозяин – он сам. Сразу отказываться не стал, решил на день-другой задержаться в городе, нормально со свояком посидеть. У высокого начальника попросил время подумать. Но оказалось, что Анатолий в дальней командировке, будет не скоро, и Сергей уже на следующее утро зашёл в пароходство, извинился, отказался от предложения и отправился домой.

Дома он даже и заикаться не стал о возникшей было возможности перебраться в город. Но жене кто-то передал: твой чу-дак отказался от карьеры. Был грандиозный скандал.

Так жизнь свояков и шла, не чужие друг другу люди, а видятся редко. Даже отпуска свои у них не получалось подгадать в одно время.

У Анатолия отпуск был тогда, когда он сам хотел, а у Сергея только зимой – кто ж отпустит капитана в отпуск во время навигации? Анатолий и взял бы отпуск зимой, чтобы уехать к свояку поохотиться, порыбачить, в баньке на весь год напариться – отдохнуть. Но у жены-учительницы отпуск всегда летом – будь любезен соответствовать званию мужа и отца – вези семью на отдых.

У Сергея помимо отпуска всегда набегают масса отгулов за работу без выходных в навигацию. В отпуске домашнее хозяйство целиком сваливается на его плечи. Обед приготовить, в доме порядок навести, даже бельё перестирать – это не сильно тяготило капитана. Самой неприятной заботой было ухаживать за парализованной тещей. Тёща отлежала десять лет. Она и здоровая-то всегда выговаривала ему, когда он уходил на охоту или рыбалку, а теперь и вовсе требовала постоянного присутствия. Однажды Сергей попросил старшую дочку поухаживать несколько дней за бабушкой, пока он будет сидеть в засаде на кабана. Вернулся с хорошей добычей, но радость вмиг улетучилась – дочка, поднимая свою тучную бабулю, серьёзно дёрнула спину, что-то с позвоночником сделалось. Девочка терпела, старалась не показывать, как ей больно, а отец ужаснулся: вдруг это у неё останется на всю жизнь – по его вине! – и в своих долгих отпусках стал он оставаться дома, при теще, а когда начиналась навигация, нанимал помощника вместо себя.

Когда встречались семьями, праздника у свояков тоже не случалось. Ну посидят, ну в баньке чуть задержатся, и сёстры сразу начинают недовольничать и ворчать. Даже ботаничка становилась сварливой, злой, как директор. Родные сёстры сильно, открывалось в такие минуты, похожи друг на друга.

И не только родства, но и дружбы большой между свояками не образовалось. Первый раз возможность посидеть вдвоём, наговориться всласть, выпить ладом выпала на похоронах тещи.

Анатолий с семьёй припозднились с приездом, усопшей оставалась пролежать на столе остаток дня и вторую, последнюю, ночь. День заканчивался в бестолковой суете, живые не знали, чем себя занять – могилка выкопана, к завтрашним поминкам готово всё. Оно б и ничего, будь они людьми религиозными, читали бы молитвослов по очереди, время бы и прошло потихоньку. Нет, батюшку, конечно, позвали, как же без него, но он завтра придёт, на отпевание, перед самым выносом на кладбище. А сегодня родные слонялись по дому, перекусывали, когда уж совсем голод прижимал. Мужики, конечно, намекали на «помянуть бы надо», но получали ответ – сядем завтра за стол, тогда и помянем. Несколько раз все дружно устраивались вокруг гроба. Долго сидеть не выходило – младшая сестра пресекала все разговоры, хотя почему бы и не поговорить? За разговором можно бесконечно сидеть, а так, когда надо хранить суровое молчание и почтительно смотреть на усопшую – долго не продержишься. Сначала дети потихоньку растворялись в комнатах большого дома, потом, должно быть, специально закашливался кто-нибудь из свояков, вставал, уходил. За ним поднимались и остальные.

Сергей давно продумал план действий, дожидался удачной минуты, чтобы озвучить его. Минута пришла на самом исходе дня. Анатолий, на этот раз чихнул, достал из кармана огромный носовой платок и вышел из комнаты просморкаться. Поднялся и Сергей:

– Вы посидите до конца дня с матерью, а ночью уж мы со свояком подежурим. Вам отдохнуть надо, завтра ж столько народа на поминках будет, вам тяжело придётся.

После смены караула младшая дочь усопшей открыла амбарный замок на дверях кладовки – ещё раз убедиться, что к поминальному столу всё приготовлено. Супу они с сестрой сами большую кастрюлю наварили, кутьи тоже достаточно, а вот блины заказали, не успевали уже сами-то. Блинов тоже хватит, хотя надо было побольше заказать. На последки всё же пересчитала водку – тоже вся на месте, хорошо себя зятя ведут. Да и как бы они водку взяли, если кладовая заперта, а ключ единственный?

Но хозяин дома был готов к такой строгости жены. Сам бы он ничего, и без выпивки обошёлся бы в такой печальный день. Но свояк бы его не понял. Он и днём всё морщился от трезвости, за обедом-то и выпили только по две рюмочки. На вечер

и ночь водки у мужиков оказалось достаточно – в унтах, которые для рыбалки и охоты, по пол-литра и в гробу в самом изголовье тещи ещё столько же, две бутылки. В гроб водку Сергей положил на тот случай, если жена каким-нибудь невыносимым образом найдёт водку в унтах. В гробу-то уж точно проверять не станет.

Всякий раз бы жёны так крепко спали, как в ту ночь. Свояки только поначалу шёпотом пытались говорить, но уже к концу первого пол-литра стали разговаривать нормально. О чём только и не поговорили: о работе, жёнах, смысле жизни.

– Тебе, Анатолий, больше с женой повезло.

– А у тебя что не так?

– У самых плохих хозяев кошка доброе слово чаще слышит, чем я от жены.

– Жена не нравится, к соседке ходи.

– К соседке – опасно.

– Боишься? Тогда подальше забирайся.

– Забираюсь, куда ж деваться. Но хотелось, чтоб в доме лад был. Ведь всё для этого делаю!

– Ты, свояк, прямо романтик какой-то. Ну не повезло тебе с женой, терпи.

– А у тебя с этим как?

– С чем?

– Ну, с женой как живёшь?

– Нормально живу.

– Что, совсем на тебя баба не рычит?

– Как это не рычит?! Рычит. Бывает, неделями в разных комнатах спим.

– Но это ж неправильно, это ж плохо.

– Плохо? Да почему? Нормально.

– Что ж тут нормального – ни любви, ни уважения.

– Какая уж любовь такая? Детей вон скоро женить будем, а ты всё про какую-то любовь.

– Ага. Ну ладно – любовь. Но мирно-то ведь жить можно. Заботиться друг о друге. Ну, да Бог с ней, с женой. Я другого боюсь.

– Чего?

– Не вырастут мои дочери в свою маму?

– Пусть растут в мать! Жена твоя в отличие от сестры высокая, стройная, с характером. Характер жестковат, конечно,

но это и хорошо – она всегда знает, что хочет от жизни и добивается своего.

– Ага. Ну, это так, да. Но я ж не об этом тебе толкую.

– Давай выпьем, а то я никак не пойму, чем тебе жена не нравится.

Выпили, помолчали.

– Что тут понимать, Анатолий Михайлович, моя жена – мужененавистница.

– Кто?!

– Муже-не-на-вист-ни-ца.

– Это как? Мужа ненавидит? Тебя?

– Не то, что бы меня, думаю, вообще всех мужиков.

– Лесбиянка, что ли?!

– Да нет, тут другое. Она не верит, что от брака можно получать радость, что с мужчиной женщина может быть счастливой. Она нас отрицает, отталкивает от себя, ни к сердцу, ни к телу по-настоящему не пускает. Формально у неё с этим.

– Тебе страсти, что ли, не хватает? Так не молодые же уже мы все.

– Та, страсти и сразу не было. Но я к этому давно привык. Я за дочек беспокоюсь. Она же не только меня, она их никогда и не приласкает, одна строгость. Как бы они такими же не выросли.

– Да какими-такими-то?!

– Муже-не-на-вист-ни-ца-ми.

– Ну, это ты глупости говоришь! Они ж вон как к тебе ластятся, особенно старшая.

– Ей уж не ко мне ластится, а с парнями гулять.

– Так она, может, и гуляет, ты не знаешь и всё.

– Да где там! Мать её вечером из дома не выпускает. Гадости про её одноклассников говорит, плохие они все, курят, выпивать уже начали, близко к ним не подходи, успеешь ещё жизнь себе из-за них испортить...

– Ну, это неправильно, молодёжи надо гулять. Посиделки всякие. Хороводы, поцелуи. Не сейчас, так когда потом-то? Потом это всё и не надо будет. Неправильно Нина Миниаминовна поступает. Что она, сама молодой не была?!

– Я же тебе и говорю – мужененавистница она.

– А у неё до тебя кто-нибудь был? Может, её кто прежний крепко обидел?

– Не было у неё никого до меня. И я её никогда не обижал.

– Чего ж она тогда нас недолюбливает? В чём причина?

– Думаю, вот в ней – в теще.

– Ну?

– Это она так своих дочек воспитала, внушила им с ранних лет ненависть к мужикам. Что они козлы все, что надеяться в жизни надо только на себя, а от нас никакого толку – пьяницы все и бабники.

– Это тебе жена рассказала?

– Тёща.

– Тёща? Сама?

– Сама. Услышала, как жена скандал устроила, и высказала мне – правильно, мол, так с вами, мужиками, и надо себя вести. Я удивился, ты что говоришь-то, мама? А она мне «никакая я тебе не мама, а вы, мужики, все негодники, нельзя на вас надеяться, я это дочкам сызмальства объясняла, чтобы на всю жизнь запомнили».

– Ну, моя-то сильно не вякает.

– Твоя помягче, да.

– Не пойму тещу. Пусть бы она мне так сказала, я далеко. А ты ж её всю жизнь в своём доме терпел. Ладно, когда она сама себя обслуживала, а когда слегла... Сколько ты за ней ходил?

– Десять лет.

– Десять лет! Десять лет ты за ней ухаживал, простыни вонючие стирал, тело её сморщенное мыл, и она так про мужиков...

– Ага. Бывало, прямо надо мной издевалась. Покормлю её, умою, спрашиваю, на горшок тебя посадить? Не хочу, отвечает, после зайди. До двери дойти не успеваю, как она меня останавливает: ой, я под себя сходила. И по глазам её видеть – специально так сделала.

– Ну?.. – не поверил старший свояк и даже приподнялся к гробу с желанием заглянуть в бесстыжие глаза тещи. – Хм-м. Вишь ты как. А ты её спросил, отчего она такая злая на нас?

– Спросил. Муж её, тесть наш, тоже капитаном был, женщин сильно любил. Узнала тёща о его похождениях, выгнала, вместе с ним весь мужской род возненавидела.

– Как выгнала?! Он же утонул, когда дочери его маленькие совсем были!

– Обманула она детей. И ладно бы только обманула, она дочкам своим, нашим будущим жёнам, ненависть свою к мужикам передала. Выпьем давай, свояк.

Выпили.

– Анатолий, не знаешь ведь, а тесь-то наш – живой.

– Ну?!

– Нашёл я его в эту навигацию. Она, – кивнул на покойницу, – рассказала, в какую деревню он уехал, когда прогнала она его. Думала, что тот помереть давно должен, вот и рассказала. Я ж столько лет по реке плаваю, и деревню эту знаю, мы там часто чалимся, рыбалка там хорошая. Ха, что ж я про рыбу не вспомнил? Пойду принесу, не выдержим без закуски-то.

Хозяин обернулся быстро – на пути к погребу только и отвлёкся на ночное небо взглянуть, он любил смотреть на звёзды, больше всего ему нравился ковш Большой Медведицы. В ясную погоду Сергей мог долго любоваться звёздным небом, но сейчас низкие тучи плотно затянули небосвод, рассматривать было нечего. Он прямо в погребе крупно нарезал замороженную рыбу и поторопился вернуться. Чуть было не поставил тарелку на живот покойницы, вовремя спохватился. Подвинул соседнюю табуретку, поставил на неё рыбу, водку с пола, рюмки с края гроба.

– Ты чего, спишь, что ли, свояк? – толкнул в бок Анатолия, тот уже всхрапывал, уронив голову почти на грудь бывшей тёщи.

– Ага, задремал. О, нельма! Муксун! Ну, сёмги теперь полно в магазинах.

– Так это ж настоящая, речная, а в магазинах ваших норвежская, из аквариума.

– Ну давай, с сёмги начнём, настоящей.

Тарелку свояки умяли зараз. Вкуснотище ведь!

Хозяин быстро обернулся со второй тарелкой.

– Вот, сиг ещё попал.

– И зельд! Давно я так вкусно не едал. А чего за обедом рыбы не было? Ерунду какую-то ели постненькую.

Под вкуснейшую рыбу северной реки свояки надолго замолчали – пили и закусывали. Наконец, остановились отдышаться.

– Я вот, что думаю, – начал старший. – Чтобы на моих похоронах никаких блинов постненьких и супа жидкого не было. Чтобы на столе рыба вот такая стояла и водка. И чтобы все

ели, сколько хотят. И пили. Я отдельно денег для этого приготавливаю, а распорядиться похоронами будешь ты.

– Я что, я в лучшем виде сделаю. Только не дадут ведь они.

– Ты про жён?

– Ага. Всё по-своему сделают.

– Так ты ж мою волю будешь выполнять, последнюю. А последняя воля усопшего обязательна для живых.

– Ты свою волю сам бабам выскажешь?

Старший свояк задумался:

– Высказать-то можно. Только забудут её, а то скажут, что я не в себе был, когда её объявлял. Тут надо документ иметь, чтобы последняя воля стала законом.

– Завещание, что ли, про поминки написать? Так-то я тоже хочу, чтоб меня весело проводили, с хорошей выпивкой, хорошей закуской, с песнями.

– Вот! Давай прямо сейчас такое желание и пропишем.

На этот раз Сергей отсутствовал на посту у гроба несколько дольше – бумагу и ручку найти оказалось труднее, чем сходить за рыбой. Вернулся он с ручкой и школьной тетрадкой кого-то из дочерей. Свойки вырвали из середины тетрадки чистые листы, и каждый своей рукой написал распоряжение о будущих своих похоронах. Чтобы, мол, даже поп был пьяный за столом, чтобы никто не плакал, а лучше пел их любимые песни. Сергей даже про песню, какую петь, указал – «По диким степям Забайкалья». Анатолий больше сосредоточился на закусках – перечислил все виды рыб, которые они только что ели – чтоб они все были на его поминальном столе. В распорядители похорон записали один другого. Прочитали друг другу написанное, остались довольны, сложили бумажки в карманы, ещё выпили.

– Нет, не поверит этой бумаге жена, – вздохнул Сергей. – Скажет, пьяный написал, чего и слушать.

– Давай я распишусь на твоём завещании!

– Бесполезно, скажет, оба пьяные были.

– Что делать-то?

– Думаю, надо нотариусом заверить. Чтобы он на своём официальном бланке нашу волю записал и добавил, мол, находились мы в здравом уме и светлой памяти.

– Хм-м. А что, у меня есть знакомый нотариус, много не возьмёт за труды. Так и сделаем! Сергей, – вдруг вспомнил Анатолий, – ты про тестя-то расскажи!

– А, ну да. Ну, что тесть? Крепкий ещё старик, весёлый. Посидели мы с ним, хорошо так. Литру я с собой брал. Да он ещё потом достал. Я его прямо спросил – точно ты мой тесть? Он про жену свою первую, тещу нашу, рассказал, про дочек своих спросил, по детским именам их назвал. Он дочек толком ни разу в жизни не видел больше, не обнимал, на коленях своих не держал. Такое она, – кивнул на гроб, – слово с него взяла, чтобы близко к дому даже не подходил. Приезжал несколько раз тайком на девчонок своих взглянуть. Тёща его однажды ущучила, такую войну устроила. Больше уж не ездил. Но деньги как-то передавал на девчонок, помнил про них всю жизнь, заплакал даже, когда рассказывал всё это.

– Заплакал? Ты смотри. А жене ты сказал, что отец у неё живой?

– Нет ещё. Не успел. Я только теще об этой нашей с ним встрече рассказал. Она как-то быстро после этого прибралась.

– От злости, что ли?

– Не-е-ет. Расстроилась она сильно.

– От того, что муж её живой расстроилась?

– Может, от этого. А может, пожалела, что не простила его и прогнала от себя. Ведь по-другому её жизнь могла пройти, если б не эта обида на мужа, с которой она жизнь свою прожила. И сама мучилась, и тестя нашего мучила, и детишек отца лишила.

– Выпьем, Сергей. Не грусти!

– Наливай.

Выпили. Помолчали. Потом старший опять воскликнул:

– Получается, жёны наши не знают, что их отец живой!

– Не знают. Я хотел своей сказать, да случая подходящего пока не представилось.

– А без случая нельзя, что ли, сказать?

Сергей пожал плечами:

– Вот ты завтра, когда тещу закопаем, и скажи нашим бабам про их живого отца.

– Завтра точно не надо.

– Пьяными дураками назовут.

– Это да. Согласен, надо случая ждать. А давай к тестю вместе съездим!

– Давай.

– Не чужой же он нам человек!

– Что ты, родственник, близкий!

– А как у него жизнь, после тёщи, сложилась?

– Хорошо сложилась. Одних сыновей четверо. Средние – близнецы, хулиганы! И дочка есть, самая младшая. А сколько у него внуков, я не запомнил.

– Ну?!

– Ага. И живёт он с женой мирно, дружно.

– «Мирно, дружно!» Как ты это с одного раза понял?

– Так а что тут мудрёного понять, как муж с женой живут?

Это ж сразу видать. А мы долго сидели за столом. Жена его никакого неудовольствия не высказывала, наоборот – кормила, закуски подносила. Уважительно они друг к другу живут, эх...

Помолчали. Позавидовали каждый про себя на согласную жизнь супругов. Старший свояк спросил:

– Когда к тестю в гости поедем?

– Так хоть завтра, тут недалеко, километров 80 всего.

– Хо, так завтра же у него и будем!

Сергей не ответил – он уже спал, всё ниже и ниже склоняясь головой к гробу. Анатолий осмотрел пустую тарелку из-под вкуснейшей рыбы, встряхнул пустую бутылку: «Где-то ещё пол-литра была?» и тоже заснул. Проснулись они от визгливых ругательств жён.

– Пойдём во двор покурим. Пусть проорутся, – предложил Сергей.

– Да не шумите вы хоть у гроба-то! – попытался остановить сестёр Анатолий.

Сваяки и на улице слышали брань в свой адрес, но брань эта была настолько привычной, что совсем не трогала их совести.

– Когда мы сейчас похмелимся? – озадачился Анатолий.

– Только разве за столом.

– До него ещё дожить надо, голова раскалывается.

– А мы сколько ночью выпили?

– Три пол-литра.

– Так ещё ж одна есть! В гробу лежит, под головой тёщи.

– И как её теперь оттуда изъять?

– Надо подумать.

И вот что придумали свояки. Они дождались приезда ба-тюшки, прошли вместе с ним к гробу и, как только дочери покойной отвлеклись на попу, оба склонились к усопшей, за-причитали на два голоса: «Мама дорогая, тещенька любимая, на кого же ты нас покинула?» Сергей ловко вытолкнул водку

из-под головы тёщи, Анатолий ловко спрятал её в накинутой на плече куртке, в которой выходил курить. Жёны ничего не заметили, хотя и таращились на мужей круглыми глазами, веря и не веря в эти их возгласы. Батюшка попросил мужчин успокоиться, но те не могли сдержать рыданий, тогда батюшка попросил их удалиться от гроба. Затея свояков с утренним опохмелением удалась на славу. А вскоре, не тем же вечером, но достаточно быстро, они сидели за праздничным столом у своего тестя. Долго и хорошо сидели. Душевно.

г. Ижевск